

УДК 316.4+78.01+13.02

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

З.В. БОЙКО

(Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств, г. Киев)

Анализируется украинская ментальность сквозь многогранное понятие «сердце», имеющее символическое значение во многих культурах мира и исторически представляющее своеобразный центр умственной и духовной жизни народа. Обосновывается как особенность украинской философской мысли развитие направления кордоцентризма и «философии сердца». Среди общих черт украинской этноментальности выделен приоритетный психологический фактор, хотя не игнорированы и другие – идеологический, географический, языковой. Подчеркивается, что ценное влияние на формирование украинской ментальности оказали философы Г. Сковорода, П. Юркевич; менталитет украинского народа запечатлен в творчестве Н. Гоголя, Н. Костомарова, Т. Шевченко и других представителей украинской элиты, в XX в. особенности украинской ментальности были выражены в искусстве и литературе через художественное восприятие действительности.

Введение. Украинские ученые категорию «ментальность» рассматривают в контексте европеизации общественного сознания, создания нового порядка и кардинальных преобразований в жизни своего народа. Интерес к ментальности обусловлен изменениями в различных сферах жизнедеятельности, в первую очередь, культуре, искусстве, воспитании, образовании. Особенности переходного периода нашей культуры сегодня требуют углубленного исследования проблем идентификации личности в условиях глобализации и формирования национального самосознания украинского народа одновременно. Напрямую связанные с ментальностью мировоззренческие аспекты заключаются в переоценке системы духовных ценностей в ходе деидеологизации общества, повергнутого в состояние хаоса.

Цель данного исследования – проанализировать истоки формирования украинской ментальности и обосновать влияние на нее основополагающих идей украинской философской мысли.

Основная часть. Понятия «менталитет» и «ментальность» синонимичные и взаимозаменяемые; они рассматриваются в одном ряду с такими, как национальный характер, дух народа, этническая психика и т.п. Для культурологов в ментальности «важен момент ее воздействия на обычаи, традиции, верования, знания, способы и приемы действия и прочие составляющие духовной и материальной культуры» [1, с. 56–57]. Различаются менталитеты в зависимости от способов восприятия человеком окружающего мира, через символические формы, к которым Э. Кассирер относил язык, миф, религию, искусство и т.д.

В украинской науке ментальность стала предметом активного изучения в 90-е годы XX в. в связи с выработкой новой идеологии в условиях государственной независимости, а также с целью разграничения точек зрения украинских и российских философов, деятелей искусства, науки и др. на эту проблему. В то же время психологический склад украинского этноса, «дух народа», национальный характер и другие, связанные с ментальностью категории, давно были в центре внимания мыслителей. Исследования украинского менталитета в начале XIX в. начали Д. Антонович, Н. Костомаров, И. Нечуй-Левицкий, А. Потебня; продолжили Р. Додонов, Е. Донченко, В. Липинский, И. Старовойт, М. Холод, Б. Цимбалистый, Д. Чижевский и др. По данным И. Валявко, историк и философ Дмитрий Чижевский является прежде всего исследователем истории культуры восточнославянских народов, в особенности украинского. Благодаря ему стал возможным возврат забытого творческого наследия, актуального и сегодня; он ввел в философские студии Т. Шевченко, Н. Гоголя, П. Кулиша, Н. Костомарова, чьи работы оказали огромное влияние на развитие философской мысли в Украине наряду с работами С. Гогоцкого, П. Лодия, Г. Сковороды, П. Юркевича и других мыслителей [2].

Вопросы «к какой цивилизации относится Украина?» и «в какой стадии развития она пребывает?» актуальны в свете последних международных событий. Если ее культура имеет гомогенную структуру, то реформаторам не придется прикладывать особых усилий для коренных преобразований этнической ментальности, но если же сообщества в ней разные, то процессы ломки будут болезненными, зависящими в перспективе от смены поколений. В этой связи пророчески звучит идея автора пассионарной теории этногенеза Л. Гумилева: «самые тяжелые моменты в жизни этноса (а значит, и в жизни людей, его составляющих) – это смены фаз этногенеза, так называемые фазовые переходы. Фазовый переход всегда является глубоким кризисом, вызванным не только резкими изменениями уровня пассионарности, но и необходимостью психологической ломки стереотипов поведения ради приспособления к новой фазе» [3, с. 245].

Какие же черты национального характера формируют ментальность? Густав Лебон утверждал, что «история народа вытекает всегда из его душевного склада... Без предварительного знания душевного

склада народа история его кажется каким-то хаосом событий, управляемых одной случайностью» [4, с. 22]. Так, преобладающими чертами души англосаксонцев выступают «запас воли, неукротимая энергия, очень большая инициатива, абсолютное самообладание, чувство независимости, доведенное до крайней необщительности, могучая активность, живучие религиозные чувства, очень стойкая нравственность и очень ясное представление о долге <...> еще тот полный оптимизм человека, жизненный путь которого совершенно ясен и который даже не предполагает, что можно выбрать лучший. Он всегда знает, что требуют от него его отечество, его семья и его религия» [4, с. 25]. По мнению Лебона, этот психологический портрет англичан и американцев отражает их ментальность. Мы также считаем, что именно психологическая составляющая должна доминировать в определении характерных черт ментальности.

У современных исследователей нет единства в определении типичных признаков украинского менталитета. Черты национального характера ученые связывают с природой (*антеизм*), отмечают приоритет индивидуализма над коллективизмом, эмоциональности над рационализмом (*кордоцентризм*), *идеализм*, *эгалитаризм* («уравниловка» как принцип жизни), *амбивалентность* (противоречивость) внутреннего мира, *религиозность*, или *духовность* [1, с. 9–10], а также некоторые другие отличительные черты, в разное время создававшие барьеры на пути в Европу. В 20-х годах XX в. был создан двойственный образ Украины: с одной стороны, ее «европеизм», с другой – принадлежность к «тюркской цивилизации» (в составе России). Как справедливо отмечает Р. Додонов, «придя в Евразийское пространство как европейская общность, Украина, спустя три века, пытается войти в Европу как общность евразийская» [1, с. 242–243].

Концепции *кордоцентризма* представлены в трудах украинских ученых XX–XXI вв. А. Бычко, И. Бычко, И. Валявко, С. Грабовского, Р. Додонova, Э. Калужного, О. Кульчицкого, И. Лисняка-Рудницкого, И. Мирчука, В. Табачковского, Ю. Федива, А. Шморгуна, Р. Чопика, С. Ярмуся и других. Часть их подчеркивает, что именно в «*философии сердца*» раскрываются специфика украинского мировоззрения, основные черты национальной психологии и перспективы, созвучные западноевропейской ментальности. В частности, украинский кордоцентризм как единственную философию народа рассматривал Д. Бучинский, называя Т.Г. Шевченко «философом сердца» [5].

Сегодня в украинской науке доминирует гипотеза, что Украина изначально (со времен Киевской Руси (X–XII вв.)) и вплоть до XVII ст. входила в Европу, чьи короли считали за честь породниться с киевскими князьями (Ярослава Мудрого даже называли «гестем Европы»). И только Переяславская Рада «поставила крест» на европейской ориентации, повернув Украину к «азиатской» России. Европа – это не только полуостров евразийской суши, «она семья народов» с общим культурным и социальным наследием [1, с. 234]. По справедливому мнению И. Бычко, Украина – страна европейская, со времен царствования Петра I и установки на «европеизацию» Россия начала «спекулировать на факте своего владения украинской территорией, присваивая себе и украинскую историю» [6, с. 317]. Часть современных российских ученых полагает, что сегодня «российская имперская система сохраняется на уровне ментальных стереотипов, когда любые либеральные инновации либо отторгаются, либо трансформируются до состояния релевантности к системе» [7, с. 167]. Поэтому выражением «концентрированной концептуализации» в российской ментальности по-прежнему выступает концепт «русский мир»; точнее, «российский мир».

На наш взгляд, украинский этнос имеет ментальные особенности, созвучные европейским этносам. Прежде всего, речь идет о воплощении в жизнь общечеловеческого принципа, нашедшего отражение в европейских языках: лат. «*le devoir avant tout*», немец. «*leben und leben lassen*», рус. «живи [сам] и жить давай другим» и т.п. Исследователь Р. Додонов выделяет три основные составляющие ментального сходства украинского и европейских народов [1]. Это, во-первых, наличие *кордоцентристского начала*, которое, будучи основным в украинском менталитете, отражается в западной культуре. Источники кордоцентристской идеи – анамнезис Платона и Святое Письмо, в котором сердце – это своеобразный эмоционально-этический центр человеческого духа, морально-практический представитель «внутреннего» (сокровенного) человека.

Во-вторых, созвучие менталитетов выражается в так называемом «*барочном сознании*». Культура барокко в Украине охватывает вторую половину XVII–XVIII вв. и проявляется главным образом в живописи, литературе и, особенно, архитектуре. Глубоко отражая мировоззренческий менталитет украинского народа, в частности, передовой его части – казачества как носителя нового художественного вкуса (отсюда второе название – «казачье барокко»), оно появилось на столетие позже европейского и развивалось под влиянием собственных национальных традиций.

В-третьих, общим для украинской и западноевропейской ментальностей является достаточно сильное противостояние *рационализму* со стороны *экзистенциально-диалектической мистики*, представленной в Европе именами Я. Беме, Г. Сузо, И. Таулера, И. Шефлера, И. Экгарта, позднее – И. Гамана, Ф. Якоби и Б. Паскаля (создателя «логики сердца»); в Украине – К. Транквилионом-Старовецким, Иларионом, Г. Сковородой, Н. Гоголем, П. Кулишом, Л. Украинкой, Т. Шевченко, П. Юркевичем и др. Фак-

тически весь западный кордоцентризм произрастает из *романтической традиции* с ее культом индивидуальности, неприятием люмпенской «массовки» и обезличивания.

Отметим некую противоречивость третьей составляющей единства менталитетов Р. Додонова, поскольку рационализм – скорее, изобретение сугубо европейское. Однако сходство проявляется в: *идеализации* старины, патриархальных отношений (в Украине – казатчины и Гетманщины), *неприятии* обезбоженного мира, *абсолютизации* эмоций, *противопоставлении* «сердца» и «главы», *воспевании* природы и простых чувств. Сюда же относим обостренный интерес к собственным особенностям национального духа и культуры, историческим эпохам (в Украине, прежде всего, это деятельность Н. Костомарова). Подобные мотивы находим у романтиков Ф.Р. Шатобриана, Э.Т. Гофмана, братьев Якоба и Вильгельма Гримм и многих других деятелей европейской культуры. Западные романтики представляли мир как явление не только механического и физического (Ньютоновского), но и морального порядка, более закрытого для познания. «Однако человек преодолевает эту «закрытость» с помощью присущего ему специфического «морального органа» (*сердца* – З.В.), который через любовь широко «открывает» человеку моральное содержание мира» [1, с. 238], способствует его истинному самосовершенствованию.

Никакая палитра мнений не может отобразить все разнообразие национального самовыражения, поскольку этнопсихика подвергается различным воздействиям, и в одной национальной культуре одновременно могут сосуществовать различные философские идеи, тенденции, иногда даже противоположные [2]. Кордоцентризм как основу украинской философии одни исследователи категорически отрицают (В. Олексюк, М. Ткачук, А. Тихолаз), другие – абсолютизируют (Д. Бучинский и др.), третьи – пытаются перенести на философскую почву иных народов, например, российского (А. Лебедево). Так, Т. Закидальский отрицает кордоцентричность украинской философии на том основании, что: 1) тема «сердца» ограничивается несколькими украинскими мыслителями; 2) у них эта тема не является основной; 3) в совокупности эти философы не представляют конкретную философскую традицию [8, с. 95].

Расходятся мнения ученых и относительно авторства идеи кордоцентризма в Украине. Например, А. Бычко связывает ее появление не со Сковородою, а с христианством и Иларионом, который в «Слове о законе и благодати» (между 1037 и 1050 годами) писал, что когда князь Владимир задумал ввести христианство на Руси, то «воссиял разум в сердце его, чтобы уразуметь суету идольской лжи, взыскать же Бога Единого, создавшего всю тварь, видимую и невидимую. К тому же всегда он слышал о благоверной земле греческой, христоролюбивой и сильной верою: как (там) Бога Единого в Троице почитают и поклоняются (Ему), как у них являются силы, и чудеса, и знамения, как церкви людьми наполнены, как веси и города благоверны, все в молитвах предстоят, все Богу служат. И услышав это, возжелал сердцем, возгорелся духом, чтобы быть ему христианином и земле его также быть (христианской), что и произошло по изволению Божию о естестве человеческом» [9, с. 323].

Таким образом, отсутствие единства среди украинских ученых не позволяет считать «философию сердца» главной матрицей украинского менталитета, хотя идея оказалась концептуальной. В этом смысле мы солидарны с И. Валявко, что «базовые архетипы, связанные со своеобразной внутренней (творческой) эмоциональностью и, следовательно, глубоким восприятием религии (восприятием душою не религиозных форм, а сущности слова Божьего), являются основой украинской духовной жизни, но такой взгляд на «сердце» не является достоянием только украинской культуры» [2, с. 15].

Проведем краткий экскурс. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий): «уже во времена Древней Греции слова *φρην*, *καρδια* (*фрин*, *кардиа* – З.Б.) в прямом значении означали не только сердце, но также и душу, настроение, взгляд, мысль, благоразумие, ум, убеждение и т.д.» [10, с. 24]. В философском смысле предтечей кордоцентризма безусловно является платоновская теория анамнезиса. В диалоге «Федон» Платон утверждал, что «знание на самом деле не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом, – вот что с необходимостью следует из этого довода. Но это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала уже в каком-то месте, прежде чем родиться в нашем человеческом образе» [11, с. 26]. Следовательно, при зарождении основ европейского мышления в Древней Греции категория «сердце» трактовалась неоднозначно, объединяла душу, мысль, ум, благоразумие, убеждение, память.

Русский философ Б. Вышеславцев отмечал, что «Одиссей размышлял и принимал решения в «миллом сердце»; в «Илиаде» неразумный человек назывался «человеком с неразумным сердцем» [12, с. 79]. В разных культурах сердцу как эмоциональному, моральному и религиозному центру давались разные названия, ему отводилось важное место в верованиях древних египтян, персов, греков, китайцев, монголов и других народов. Систематизировав в начале XX в. православно-христианское учение о сердце, Б. Вышеславцев установил, что проблематика библейского термина «сердце» впервые рассматривалась в России гениальным Г. Сковородою в середине XVIII в. В XIX в. ее разрабатывал великий украинский философ П. Юркевич («Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия», 1860), в XX в. – известный российский философ П. Флоренский («Столп и утверждение истины», 1914),

а также выдающийся украинский богослов Лука (В. Войно-Ясенецкий) («Дух, душа и тело», 1947) [10; 12].

Благодаря трудам Н. Гоголя, Н. Костомарова, Г. Сковороды, Т. Шевченко, П. Юркевича, а также философов-эмигрантов Н. Бердяева, Б. Вышеславцева, И. Ильина, С. Франка и др., концепт «сердце» стал определяющим для раздумий славян над своим душевным состоянием. Кордоцентризм Н. Рериха в мировом масштабе прослеживаем в его статье «Corason» (исп. *corazon* – сердце): «всеми начертаниями народы хранят память, и кричат, и шепчут друг другу драгоценное слово, которое означает сердце, хранилище Света. Люди дожили до сердечных болей. Люди запылили сердца... Умалили все высокое, но не забыли сердца, колыбели любви. Отемнились люди всею тьмою... Разбили сосуды самые ценные... Но сохранили память о сердце, как о последнем прибежище» [13, с. 239].

Первым перенес учение анамнезиса (припоминания) Платона на украинскую почву Сковорода, который по оригинальности своих мыслей и образу жизни «был сродни» греческим философам Диогену и Сократу. *Экзистенциально-кордоцентристские мотивы* «рассеяны» золотыми россыпями в его философии (трактатах, диалогах (разговорах), притчах); в литературных жанрах (песнях, баснях, стихах, прозаичных и стихотворных переводах); в эпистолярном наследии. Их основа – анамнезис Платона и Ветхий Завет, где сердце умолинается около тысячи раз. «Глава в человеке всему – сердце человеческое. Оно-то есть самый точный в человеке человек, а прочее все околица...» [14, с. 244]. Смысл существования человека состоит в открытии в себе «сына Божьего», «внутреннего» (сокровенного) человека сердца, который является основой «мира душевного» и истинной блаженной жизни.

Экзистенциально-кордоцентристские идеи Сковороды развил в своей «*философии сердца*» П. Юркевич. Он отмечал, что «во всех священных книгах и у всех богодухновенных писателей сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека, как существеннейший орган и седалище всех сил, отправлений, движений, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками» [15, с. 63]. В отличие от Сковороды, Юркевич опирался на Новый Завет, употребляя слово «сердце» и в переносном смысле, как «перемену телесную» (каменное сердце). Концептуальное значение в теории Юркевича приобрели идеи, что духовная жизнь рождается ранее, нежели свет разума, а знания создаются вследствие деятельности души, а не разума, как считалось прежде. Такое толкование проблем человеческого познания помогает понять духовную жизнь как выражение неповторимости человеческой личности.

Заключение. Кордоцентризм Г. Сковороды и «философия сердца» П. Юркевича оказали огромное влияние на работы таких философов, как И. Ильин («Аксиомы религиозного опыта», «О сердечном созерцании», «Поющее сердце»), Б. Вышеславцев («Значение сердца в религии», «Сердце в христианской и индийской мистике»), С. Франк («Свет во тьме»), П. Флоренский («Столп и утверждение истины») и многих других. Эти идеи опосредованно развиты и выражены в творчестве деятелей украинской культуры: кинематографистов А. Довженко («Дневниковые записи», «Очарованная Десна», «Земля» и др.), Ю. Ильенко («Легенда о княгине Ольге»), С. Параджанова («Тени забытых предков»), О. Санина («Поводырь»); писателей В. Стуса («Палимпсесты»), В. Пидмогильного («Город. Небольшая драма»), А. Олеся («Чары ночи: лирика»), В. Сухомлинского («Сердце отдаю детям»), В. Голобородько («Вся Украина», «Савур-могила», «Как попасть жить на чужбину»), Р. Чопика («Менталитеты»), С. Грабовского («Трактат о сердце»), Л. Костенко («Записки украинского сумасшедшего») и т.д.

Таким образом, концепт «сердце» имеет символическое значение во многих культурах мира, представляя в каждой из них внутренний центр душевной и духовной жизни народа. Для украинского менталитета концепт стал определяющим, в символическом виде выражая состояние души, реализуя своеобразный принцип «концентрированной концептуализации» культуры. Развитие проблемы кордоцентричности сегодня актуально для украинской научной и художественной элиты, которая может раскрыть процессы культурной трансформации и коренных преобразований в Украине на мировоззренческом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Додонов, Р.А. Теория ментальности: учение о детерминантах мыслительных автоматизмов / Р.А. Додонов. – Запорожье: Тандем-У, 1999. – 264 с.
2. Валякко, И.В. Дмитрий Чижевский как исследователь украинской философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / И.В. Валякко. – Киев: НАН Украины, Ин-т философии, 1997. – 24 с.
3. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
4. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М.: Академ. проект, 2011. – 238 с.
5. Бучинский, Д. Христианско-философская мысль Т.Г. Шевченко / Д. Бучинский. – Мадрид; Лондон: Союз украинцев в Великобритании, 1962. – 256 с.
6. Бычко, И.В. Ментальное созвучие украинской и европейской философских традиций: «кордологические мотивы» / И.В. Бычко // Киевские горизонты: ист.-филос. очерки. – Киев: Стило, 1997. – С. 316–337.
7. Гавров, С.Н. Модернизация во имя империи / С.Н. Гавров. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 352 с.

8. Закидальский, Т. Понятие сердца в украинской философской мысли / Т. Закидальский // Филос. и социол. мысль. – 1991. – № 8. – С. 127–138.
9. Слово о законе и благодати Илариона [Электронный ресурс] // Богословские труды, 28. – Науч.-богосл. журнал РПЦ. – 1987. – С. 216–338. – Режим доступа: http://www.btrudy.ru/resources/VT28/315_Hilarion_Slovo.pdf.
10. Войно-Ясенецкий, В.Ф. Дух, душа и тело / В.Ф. Войно-Ясенецкий. – СПб. : Свято-Тихон. Богосл. Ин-т, 1997. – 147 с.
11. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Платон ; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; прим. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1999. – 528 с.
12. Вышеславцев, Б.П. Значение сердца в религии / Б.П. Вышеславцев // Путь. – 1925. – № 1. (Париж). – С. 79–98.
13. Рерих, Н.К. О вечном / Н.К. Рерих. – М. : Политиздат, 1991. – 462 с.
14. Сковорода, Г. Разговор пяти путешественников об истинном счастье в жизни / Г. Сковорода // ПСС. В 2 т. – Киев : Наук. думка, 1973. – Т. 1. – 532 с.
15. Юркевич, П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // П.Д. Юркевич. Философские произведения. – М. : Правда, 1990. – С. 69–103.

Поступила 22.08.2015

ORIGINS OF UKRAINIAN MENTALITY

Z. BOYKO

In the present article the sources and the contemporary interpretation of Ukrainian mentality are analyzed through one of the basic concepts of culturology – the concept “of heart”, which has symbolic meaning in many cultures of the world, representing the female center of mental and spiritual life of people, that reflected in a special Ukrainian philosophy – “the philosophy of heart”. Distinguishing the common features of Ukrainian ethnic mentality the author shares psychological approach and denies any other, especially ideological. Particularly valuable in our opinion is the problem of cordocentrism in idea of Ukrainian artistic elite, whose artistic manner appears to be unique in the expression of the mentality of its own people. Thus, the artistic mentality, being free per se and using the specific synthesis of arts, helps with the impartial coverage of this problem.